

Станислав
Брехов

Смертельная печаль

С
А
Б
И
-
С
И

Станислав Брехов
Смертельная печаль. Сабби-си

«Автор»

2007

Брехов С.

Смертельная печаль. Саби-си / С. Брехов — «Автор», 2007

Книга представляет собой философскую драму с элементами романтизма. Автор раскрывает нравственно-психологические отношения двух поколений на примере трагической судьбы отца – японского пленного офицера-самурая и его родного русского любимого сына. Интересны их глубокомысленные размышления о событиях, происходящих вокруг. Несмотря на весь трагизм, страдания и боль, выпавшие на долю отца, ему удалось сохранить рассудок, честь, благородство души и благодарное отношение ко всякому событию в жизни. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся философией жизни и стремящихся к пониманию скрытой сути событий.

© Брехов С., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Станислав Станиславович Брехов

Смертельная печаль. Саби-си

Предисловие

Наша жизнь в какой-то момент резко меняется, и все, что происходит в ней, с той минуты никак не похоже на предыдущие события.

Хорошо, если эти перемены к лучшему и подстроиться под них несложно. Но если все меняется к худшему, то вам потребуется умение собирать свою волю и все душевные силы в кулак для того, чтобы преодолеть сложную полосу испытаний, невзгод, поражений. К тому, чтобы преодолеть эти испытания с честью, нужно готовить себя с детства. Это называется воспитанием. Особенного подхода требует воспитание будущего воина. Это совсем не то, что воспитать музыканта или инженера. Вся будущая жизнь и служение воина связана с непосредственной близостью смерти. Страх, боль и риск для воина должны стать обыденными явлениями жизни. Он должен их знать и уметь подчинять своей воле, и, если он правильно подготавливает себя к трудностям, они не застанут его врасплох. Даже долгие годы плена не в состоянии сломить стойкого духом воина.

* * *

– «Саби». Печаль одиночества.

Иероглиф «Саби» дословно переводится как патина, ржавчина. Но в то же время это понятие сложное, имеющее несколько аспектов, поэтому ему нельзя дать однозначное объяснение. Во многих работах оно встречается в лексическом, эстетическом значениях, в связи с японской поэзией. Использование этого понятия великим японским поэтом Мацуо Басё (1644–1694) привнесло в него особый смысл.

«Саби» Басё выражает красоту просветленного одиночества, покоя и отрешенности от суетного бытия – чувства, которое владеет поэтом в результате его слияния с миром и переживания его сущности. «Покой, притушенность красок, элегическая грусть, гармония, достигнутая скудными средствами, – таково искусство саби, звавшее к сосредоточенной созерцательности, к отрешению от повседневной суеты.»

«Саби» Басё – понятие широкое, содержание его включает не только простоту, но и изысканность, не только печаль, но и радость, которая вытекает из убеждения поэта в конечной целесообразности бытия и доверительного отношения к миру. В «саби» сочетается любовь к символам вечного с обращением к преходящим явлениям жизни.

– «Си».

Иероглиф «Си» имеет очень понятную и однозначную трактовку – смерть.

* * *

Все мы, живущие на этой планете, а также наши предки и потомки, хотим мы того или нет, подчиняемся правилам бытия этого мира. В том, что эти правила существуют, сомнений нет. Но вот только что это за правила, где они прописаны и, самое главное, кем. Очевидно, что писаны они не человеком, поскольку он сам гость на этой планете. К тому же этот «человек» слишком юн и порой, несмотря на, казалось бы, колоссальную эрудицию, не в состоянии осмыслить все происходящее в масштабах Вселенной. Значит, он вынужден всего лишь подчиняться этим правилам. Писать и править их, прерогатива кого-то или чего-то. Нам людям дано лишь одно право – следовать этим правилам. Но и его мы до сих пор не можем уяснить для себя. Доказательством тому – войны и революции, болезни и глобальные катаклизмы. Все это говорит об отсутствии гармонии в жизни существа, именующего себя – человеком.

Одно из этих правил, услышанное когда-то в юности, но осознанное гораздо позже, звучит так: «Ничто в этом мире не происходит случайно». И оно, возможно, первое и самое главное. Все события, происходящие вокруг, – закономерный результат действия этих правил на нас и окружающий нас мир. Всякое событие сейчас – закономерное следствие поступков и событий из прошлого. Даже наши мысли в прошлом способны материализоваться в события сегодняшние именно по этим законам. Понимая или, точнее, чувствуя эти правила, мы можем пребывать в гармонии с окружающим нас миром. Уверен, каждый человек на земле хоть раз в жизни чувствовал в себе эту гармонию и при этом был очень счастлив. Но пока такое понимание законов движения находится в столь зачаточном виде, что общее состояние общества приводит лишь к разрушению самого себя и места нашего обитания. Именно поэтому установленным эти правила приходится нас корректировать. Поняв, а точнее приняв их, нам станет понятно – бессмысленно злиться и ругать себя за уже содеянное. Если это содеянное огорчает нас и приводит к боли, то это лишь результат незнания этих самых правил, то есть урок, где боль уже результат ошибочных действий. Возможность донести до человека то, что он не прав, шанс к его исправлению. Благо, если человек принимает эту боль с пониманием и осознанием того, что ничто в этом мире не случайно. Стало быть, у него есть возможность исправиться и стать лучше. Быть гармоничнее – значит прибывать с этим миром в гармонии, то есть жить по правилам этого мира. Как только человек возомнил себя царем этого мира, он сбился с пути и пошел по дороге к бездне. Вероятно, доказательство тому – наличие в прошлом на этой земле более развитых цивилизаций, но тем не менее исчезнувших с ее лица.

И то же самое ждет нас, не сумей мы понять, что нам необходимо не только знать, но и жить, согласно этим правилам.

Есть ли шанс когда-нибудь найти, отыскать свод этих правил. Думается, что нет. Человеку дано или не дано это понимание с рождением. Со временем он может лишь совершенствовать себя в этом. Найти же подсказку в этом мире нигде. Задача человечества – понять эти правила через ход своей истории, ценой многих своих ошибок и страданий. Но все же оно должно это сделать, иначе его ждет гибель.

Начиная работу над этой книгой, я уже находился в том возрасте, когда мысль о том, что я что-то должен сделать для окружающих, перешла из разряда вопросов в разряд утверждения или даже убеждения.

Понимание того, что мне необходимо поделиться с людьми теми умозаключениями, мыслями, идеями, что скопились за сорок лет анализа этого мира, безусловно, давалось очень не просто. Но в какой-то момент эти сомнения стали буквально душить меня, и я понял, что избавиться от них просто необходимо хотя бы из соображений физического и душевного покоя. Если в недрах вулкана происходят процессы лавообразования, то он непременно должен извергнуться. Иначе быть не может. Извергнувшись, вулкан остывает. Мне кажется, это срав-

нение очень близко к моему нынешнему состоянию. Мне было просто необходимо их излить на бумагу, чтобы выздороветь, остыть. Итак, сомнения остались в прошлом, и мысли материализуются на бумаге.

Идея этой книги жила во мне много лет, пока я сам не осознал, что мои мысли могут быть оформлены в книгу. Затем был процесс придания этой идее какой-то не законченной формы. И наконец я решился перенести ее в компьютер.

Не все в этой книге вымысел. Как, впрочем, и не все описанное не происходило в действительности. Идея этой книги взята из биографии человека, жизнь которого долгие годы протекала рядом со мной на Колыме. Эти суровые места до войны и после нее стали малой родиной и для нашей семьи. Семьи, которая в нескольких поколениях была связана с Колымой и всем тем, что породило это явление – Колыма.

С самого раннего детства, еще не сознавая себя самого, как человека и личность, я тем не менее чувствовал, что живу на какой-то особой планете. В месте, чем-то очень сильно отличающемся от всего остального мира. И это чувство накладывало отпечаток на мое развитие с тех самых пор и до времени, когда я стал разбираться в этом осмысленно. Я понял, что причиной тому не только суровый климат и особые психологические условия, связанные с тем, что ходили мы по земле, сплошь усеянной костями. Где даже могилу полагалось иметь не всякому человеку. Все мы, жившие там, понимали все это, и не то чтобы мирились с этим, а принимали это как естественное и необходимое свойство нашей жизни. Этот сплав невыносимо сурового климата и тяжелого психологического бремени, связанного с лагерным прошлым Колымы, тем не менее рождал в людях самые лучшие душевные качества. Все мое детство и юность связаны с пониманием того, что людям можно и нужно верить так же, как если бы это были твои друзья или родственники. Мы никогда не закрывали двери своих бараков или квартир. Не прятали бумажники в раздевалках и общественных заведениях. Воспринимали людей изначально хорошо. Теперь я понимаю, что все те страдания и боль, пережитые людьми в годы, когда Колыма была столицей ГУЛАГа, и тот климат, который ограничивал попадание сюда «всех подряд», сделали эту среду местом особенной душевной чистоты. Но эти же факторы в других условиях делали нашу жизнь весьма сложной.

Поколение моих родителей и их родители, живших в самих лагерях или в непосредственной близости от них, принимали это как данность, и нас, своих детей, игравших на их развалинах, от них не отгоняли.

Бояться этого – как бояться 60-градусного мороза. Да, холодно, да, не комфортно. Но что же теперь – не жить и не работать? Принимая эту данность, жили дальше.

Так распорядилась история, что Колыма для многих японских военнопленных на долгие годы стала местом пребывания в лагерях, а затем и постоянного проживания там. Далеко не все из них вернулись на родину в Японию в 1949 г. Многие остались лежать в промерзшей колымской земле, многие, пытаясь бежать, пропали без вести, некоторые остались сидеть в лагерях до 1956 г. И буквально единицы из них остались жить в Магадане уже после 1957 г. Обзавелись семьями и долгие годы работали на предприятиях города.

Лишь в 1991 г., по разным данным, сорок два японских военнослужащих, незаконно осужденных в 40–50 годах XX века по 58-й статье УК РСФСР, были реабилитированы Тихоокеанским и Дальневосточным военными трибуналами.

Лишь с 1992 г. МИД России начал выдавать удостоверения о труде бывшим японским военнослужащим, находившимся в плену в СССР. Однако и после этого японские официальные органы не торопятся дать пенсии своим соотечественникам.

В Японии наличие военнопленных на территории Советского Дальнего Востока не признавалось официально до этого времени. А с 1992 г. японские власти утверждают, что рассматривать вопрос о компенсациях своим военнослужащим, находившимся в плену в СССР, не целесообразно за сроком давности. Хотя японские военнопленные, репатриированные из лаге-

рей в США, Англии и Новой Зеландии пользуются всеми льготами ветеранов Второй мировой войны.

Многие из оставшихся японцев понимали, что тогдашнее японское общество весьма несправедливо в социальном плане и в этом видели преимущества жизни в СССР. Некоторые остались по личным мотивам. Среди японских военнослужащих был большой процент симпатизировавших идеям коммунизма. По разным данным, до половины из числа почти 600 000 военнопленных, находившихся в лагерях на территории СССР, в той или иной мере сотрудничали с компартией Японии. Многие по возвращении на родину вступали в нее, уже не подвергаясь пропаганде ГУЛАГа.

Эти, подтвержденные историками, факты говорят о том, насколько сложна была психологическая обстановка тех лет. Как все это не однозначно воспринималось самими японцами во время и после окончания войны – их агрессия в Китае, дальнейшее поражение и роль униженного итогами войны народа.

Все это не могло не накладывать отпечатка на героя моей книги.

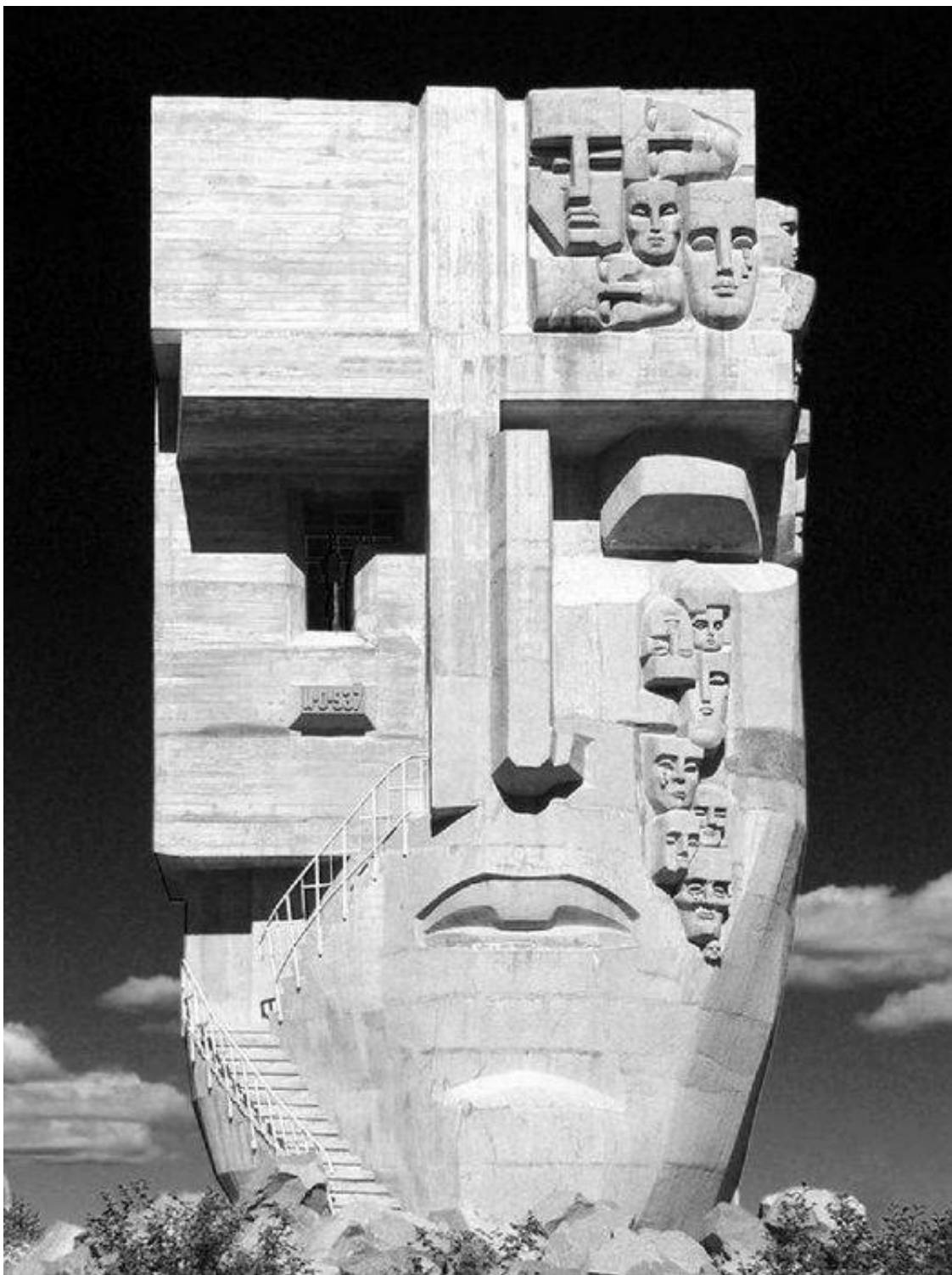
Все имена и фамилии в этой книге вымышлены, всякое совпадение является случайным.

Глава 1

Похороны отца

*Холод пробрал в пути,
у птичьего пугала, что ли
в долг попросить рукава*

Матсyo Басё

«Это февраль. Зима. Согласно календарю».

С самого утра с языка не сходит эта строка из стихотворения Бродского. Я истязаю себя, пытаюсь вспомнить следующую строчку, но мне никак это не удастся. Почему она так навязчива сегодня, почему именно она? Наверное потому, что сегодня действительно февраль. И еще, наверное, во второй строчке есть что-то, что вызывает во мне подсознательное желание ее повторять. Ну что же там дальше?

Тут память моя проясняется. Слава, Тебе, Господи.

«Когда опротивеет тьма, тогда я заговорю», – наконец-то вспоминаю я.

Да, но, во-первых, там был не февраль, а январь.

А, во-вторых, что же там дальше?
Кажется, так:

*Пора. Я готов начать.
Не важно, с чего. Открыть рот.
Я могу молчать.
Но лучше мне говорить.*

*О чем? О днях, о ночах.
Или же – ничего.
Или же о вещах.
О вещах, а не о*

*людях. Они умрут.
Все. Я тоже умру.
Это бесплодный труд.
Как писать на ветру.*

Вот оно в чем дело. В этом отрывке все связано с сегодняшним днем. Тут тебе и о людях, и о вещах, и о смерти, и о речах. Сегодня обо всем этом говорить будут много. Вот почему это стихотворение сегодня с утра со мной.

Все мы стоим на краю нового Магаданского кладбища, насквозь промерзшие, осыпанные инеем, щеки горят огнем, руки уже посинели и заоченели так, что мне кажется, будто замерзла суставная жидкость. Интересно, сколько сегодня градусов, – 30 или все -35? Мы не можем позволить себе не покрывать головы, иначе мороз и ветер нас самих вгонят в могилу. А она сейчас мне кажется такой страшной – эта яма. Страх этот заглушает боль и гонит мысль о том, что мы с отцом уже никогда не увидимся. Как много меня связывает с этим человеком и как мне теперь жаль, что он уже никогда не узнает, не почувствует, что для меня значило его присутствие на этом свете. Мне все еще не верится, что это он лежит в гробу. Мыслию отстраненно, будто он просто опаздывает, или мы собрались совсем по другому поводу.

Что это, нежелание или, точнее, невозможность поверить в это, или я настолько бездушен, холоден к смерти как к любому другому событию в жизни.

Кстати, смерть – это событие в жизни или это уже событие вне жизни? Надо поразмышлять над этим.

Что за мысли в моей голове, о чем я только думаю? Черт возьми, как все же быстро растут эти кладбища, вот только недавно оно считалось новым, а теперь я не вижу противоположной ограды.

Определенно, вымирают люди гораздо быстрее, чем рождаются.

Как много снега этой зимой и как холодно.

Вижу, что сугроб доходит мне до пояса, а там, на его далекой родине, совсем скоро, должно быть, зацветет вишня. Когда-нибудь я непременно поеду туда именно в это время, буду любоваться ее распустившимися цветами и вспоминать его. Я всегда буду помнить о нем, глядя на сакуру, на чужую непонятую красоту.

Ветер задувал все сильнее, поднимая мелкую снежную пыль над высокими сугробами. Вот здесь, на краю кладбища, я начинаю понимать, что эта земля создана Господом лишь для смерти, но не для жизни и уж тем более не для счастливой жизни. Земля не хочет принимать никого – вон как смерзлась, как камень. Ломы гнутся. Несчастные копатели могил. Тут в пору взрывчаткой работать, так ведь нельзя.

Повсюду дымят небольшие кострища из старой автомобильной резины, дабы хоть немного отогреть землю под очередные захоронения.

Каково же отцу было жить на промерзшей Колыме и мечтать о цветущей сакуре?

Не могу сосредоточиться, мысли путаются. О чем я сейчас думаю, я ведь должен скорбеть. Да, отец умер, это горе.

В то же время я понимаю, что жалеть мне о случившемся не стоит. Это страшная мысль, но мне она кажется настолько искренней и понятной, что мне не стыдно так думать. Как все же много ему выпало пережить в этой его долгой, очень долгой и непредсказуемой жизни. Человек не должен переносить такое количество страданий.

Но никто в этой жизни не получает испытаний более того, что может вынести.

Опять меня занесло в философию. Что же происходит в моей голове? Может это «горе потери», но почему тогда я так ясно чувствую, что ему стало очень спокойно и свободно и что, пожалуй, только теперь для него завершились все его беды и страдания.

Может быть, единственное, о чем он сейчас сожалеет, так это о нас, его детях, о том, что, возможно, очень не скоро, ему удастся с нами встретиться. Хотя, о чем я думаю, все ведь в руках Господа, на все Его воля.

Долго ли мы уже здесь находимся. Я совсем потерял чувство времени.

Все замерзли, нужно рассчитаться с похоронной командой. Наверно, они уже заждались меня в предвкушении «горячительного».

Их можно понять, работать на кладбище, каждый раз видеть смерть, да еще в такую холодину. Без водки тут никак не справиться.

О чем я только думаю? О смерти, да сейчас я думаю о ней.

Вот уже и началась новая веха в моей жизни. Кладбище теперь не будет для меня чем-то непонятным, чем-то не связанным с моей жизнью. С этого дня мне, наверно, придется здесь бывать регулярно.

Ходят же люди на кладбище по каким-то дням, надо бы узнать – по каким.

Сейчас поймал себя на мысли, как беспечно я к этому отношусь. Вот это и есть издержки воспитания маленького человечка, родившегося и выросшего рядом с постоянным горем других.

В окружении лагерных бараков, сторожевых вышек и кладбищенских колышков, детские игры в мушкетеров с фехтованием на шпагах из берцовых костей, то есть на Колыме. Тут любая психика даст такую кривизну, что никакому Фрейдю не снилось.

Как же все это можно представить себе теперь, спустя 30 лет, а тогда ничего, все было как должное. Слишком много смерти было вокруг, чтобы придавать значение психике. Главное – жизнь, а ее качество далеко не на первом месте. Наверно, невозможно поверить, но иного объяснения нет – только генетика позволяет мне оставаться таким трезвым, всегда и несмотря ни на что.

Вот она кровь самураев. Людей, еще пятьсот лет назад понимавших необходимость и важность достойной смерти и поэтому не знавших страха.

Все и всегда говорили, как мы не похожи с отцом внешне, вернее, я не похож на него. Но как схож наш образ мыслей, поведение, жесты и даже мимика.

Я во всем хотел ему подражать. Мне всегда хотелось быть на него похожим, чтобы все и всегда понимали, что я его сын – и по крови, и по духу. И раз уж нет между нами внешней схожести, пусть она будет духовной.

А что еще может быть таким действенным, как генная память?

Воспитание? Вряд ли. Какое уж тут воспитание, скорее – его отсутствие.

Мы были предоставлены сами себе. Очень болезненная передача опыта и ошибок от одного лба к другому.

Школа? Не хотелось бы мне называть воспитанием то, что мы получали в школе.

Обучаясь в здании с видом на лагерные руины, какая уж там может быть эстетика и педагогика, как для учеников, так и для учителей. Все в подкорке, в подсознании.

С самого рождения и до сегодняшних дней вид кладбищ и лагерей вызывает умиление и воспоминание о детстве.

А вот память предков это уже вне понимания, это настолько нереально, и необъяснимо, но, однако же, верно. Это есть, с полной уверенностью говорю, я всегда это чувствовал – есть.

Иначе, откуда взяться этой большой и непонятной любви к тем местам, о которых только и слышал из рассказов отца, да видел несколько картинок по телевизору.

Что еще может так тянуть в неизвестность, туда к цветущей сакуре, прочь от этой промерзшей земли, сохраняя сознание в чистоте и даря надежду на все лучшее, я это называю памятью предков, светом, ведущим по жизни меня – Алексея Александровича Торопова.

Глава 2

Лагерь военнопленных

*Когда так много позади,
Всего, в особенности горя,
Поддержки чьей ни будь не жди,
сядь в поезд, высадишь у моря.*

И. Бродский

Когда же все это началось? Боже, как давно все это было. И как страшно все это было. Сейчас мне кажется, что все это было в другой, моей прежней жизни.

Ведь если бы это было со мной нынешним, я бы должен был сойти с ума. Но я не сошел, каким-то образом проглотил и переварил все эту суровую действительность – мою жизнь в лагере.

Я очень хорошо помню свой лагерь, уже здесь на Колыме, на Кулу, и совсем не хочу вспоминать Читинского, в Холбоне. Так устроена память человека, она хранит только хорошее, даже если этого хорошего было очень и очень мало. А иначе сознанию не справиться, не пережить всех этих нечеловеческих воспоминаний. Ведь там, на Кулу, у меня было так много хорошего еще до освобождения, пусть и формального, но все же освобождения.

Что хорошего мне вспомнить о Холбонском лагере, ведь для меня это было все так дико и неожиданно. Плен, ранение, унижение военнопленного самурая, сына адмирала, потомка

семьи, никогда не знавшей унижения поражением. Меня, росшего только с одной мыслью – поражения нет, кроме победы есть только смерть.

Нет, его вспоминать я просто не хочу!

Не хочу вспоминать низость и подлость, малодушие своих же соотечественников, офицеров, позволявших себе поднять руку на солдата. Издевательства и оскорбление для некоторых из них стали нормой поведения, лишь потому, что сами они не смогли оставаться сильными в столь суровых условиях.

И слабость их нашла свое выражение в унижении подчиненного. Так устроено японское общество, что младший по званию всегда покорно принимает наказание, заслуженно оно или нет, но это не значит, что этот старший, будь он офицер или генерал, должен до этого опускаться.

Если ты старший по званию, то и обязательств и трудностей ты на себя берешь более, чем твои подчиненные. Но человеческой подлости есть место в любой среде, и в этом я имел возможность убедиться не раз.

Когда, например, обезумевшие от голода и холода офицеры считали возможным переложить свою работу на плечи солдат и наказывать их за неподчинение, при этом солдаты находились в еще более тяжелых условиях.

Здесь на Колыме, спустя три года плена, я уже был закаленный опытом зэк. Здесь земля, созданная для смерти.

Жить в этих краях нелегко, но нужно. Богатств земля скрывает много, их нужно забирать у нее, и легче всего это делать не считаясь с жизнями. Рабский труд для этого самый выгодный.

На все это я уже смотрю по-другому, это уже не взгляд самурая, но взгляд мудреца, понимающего, что путь воина иногда бывает дольше жизни, заходящим за грань смерти. А то, что происходило со мной, уже лежит за этой гранью, и ни чем иным как «другая жизнь» я это назвать не могу.

Для меня эта перемена мест оказалась благоприятной. Может, потому, что Магадан стоит у моря, и мне казалось, что это ближе к моей Японии или потому, что солнце здесь встает в одно и то же время, что и в моем родном Киото.

Господи, какое тепло разливается по телу только от одного упоминания – «мой Киото».

Когда-то я читал, что человек, перемещаясь в пространстве с востока на запад, меняет свою судьбу. И тогда, оказавшись на прежней долготе, я, очевидно, надеялся вернуть свою прежнюю судьбу. Надеялся или нет, я уже не помню. Возможно, это уже была не надежда, а память о надежде. Так глубоко она спряталась в подкорку.

Здесь в лагере на Кулу я вдруг почувствовал себя другим, точнее, в другом качестве. В Холбоне нас было несколько тысяч военнопленных японских солдат, одинаковых для администрации, а здесь я был уже японским шпионом. На меня смотрели как на «врага народа». Какие тонкости в жизни стали мне понятны, спустя три года в России, как непредсказуема судьба. К тому же, здесь я был один. Не было рядом человека, с кем бы я мог просто поговорить на родном японском языке, и даже мыслить на японском становилось все сложнее. Лагерный быт вьедался в мое сознание так, что изгонял из него остатки всего японского.

Суровая и, на первый взгляд, не яркая природа Колымы буквально бальзамом легла на мою израненную душу. Каким счастьем для меня было оказаться в лесу или на берегу Кулу. Как полюбил я и как люблю сейчас эту реку. Ее ровные, спокойные воды дарили покой и надежду на то, что все еще возможно, впереди еще жизнь. Прозрачные и холодные воды уносили мои тяжелые мысли и давали возможность хоть на короткий срок примириться с рассудком.

Помню, высокий противоположный берег, на котором сплошной стеной начинался лес.

Однажды, уже на втором году пребывания, оказавшись в этом лесу, мне уже не хотелось выходить из него. И всякий раз, смотря на него со стороны лагеря, я испытывал непреодолимое желание попасть в него и не выходить из него уже никогда.

Здесь долгое время мне пришлось работать на строительстве дороги и моста через реку Кулу. Самыми тяжелыми участками на строительстве были перевалы.

Скалы дробили кувалдой, вбивая в них металлические клинья. Тачку или сани, нагруженные породой иногда до 300 кг, таскали в одиночку. На вершине перевала сильные ветра да еще трескучий мороз зимой. Термометр опускался порой ниже сорока градусов. Жили прямо на дороге в трубах по 20–30 человек. Строительство мостов начинали в зимнее время, как правило в ноябре. Рыли котлованы под быки до появления скальных пород. Затем начинали сборку моста из обработанных стволов лиственницы. На строительстве мостов работали в основном бесконвойные, но были и небольшие отряды заключенных из числа специалистов строителей, инженеров.

Здесь, на Колыме, к концу моего третьего года пребывания в плену я впервые встретил человека, отнесшегося ко мне с пониманием.

Тогда и даже сейчас это остается очень памятным событием в моей жизни.

Я ясно понял, что люди очень похожи друг на друга, несмотря ни на цвет кожи, ни на разницу в происхождении, богатство. Если только в людях живет божественное благородство, они всегда похожи. И как показала жизнь, это божественное живет и в сибирском таежнике, и в японском аристократе, и в лагерном зеке. Пожалуй, оно не способно жить лишь в идейном большевике. Это исключение только подтверждает правило.

К тому же я в это время довольно хорошо говорил и понимал по-русски, мне всегда это давалось легко.

Я начал понимать, что вокруг меня очень много хороших и благородных людей, которые не были ни военными преступниками, ни даже иностранцами. Они были русскими, поэтому судьба их воспринималась еще ужаснее. Так я перестал пенять на свою несправедливую судьбу.

С тех пор я заинтересовался, куда же выведет меня моя судьба. Я стал задумываться над тем, что, оставшись в живых и не лишив себя жизни, я становлюсь ее исследователем, ученым своей судьбы, пытающим свое тело в наказание за невыполненный долг.

Иногда, представляя себе возможность когда-нибудь увидеть свой отчий дом, я много раз говорил те слова, что дадут возможность моим родным понять, из какой пропасти мне удалось выбраться. Какой путь пришлось проделать для того, чтобы увидеть их вновь. Но всякий раз эти слова были другими, разными, не похожими на предыдущие. Моя душа разрывалась от невысказанности моих чувств.

Я так часто и настолько сильно желал возвращения домой, что уже окончательно поверил в реальность, что это когда-нибудь сбудется.

И та реальность, в которой я находился в тот момент в лагере, отходила на второй план. Ее уже не было, она существовала лишь в окружающем меня мире, но не во мне. Во мне жил лишь запах цветущей сакуры.

Именно это страстное желание вернуться на родину спасало меня все эти годы, оно ограждало меня от сумасшедшей действительности, от нестерпимого холода зимой для моего южного организма и от зудящего соседства насекомых летом, готовых загрызть живого человека. Но самое главное – это желание спасало меня от самого страшного и не предвиденного ранее – сознания рабства, невыносимого духу и воле самурая, потомственного самурая, сына и внука адмиралов, ощущавшего на себе взгляд и надежду императора и своего народа, самурая, не знавшего страха смерти.

Именно тогда я понял всю мудрость прежних поколений самураев, страдания воина закаляют только тело, которое является инструментом для закаливания духа.

Дух стоит над сознанием и помогает человеку справляться с любым испытанием, каким бы невыносимым оно не казалось. Если это правило бытия, то оно невыносимо жестоко, и ад, наверно, находится где-то рядом с местом моего обитания.

Как же можно не поверить теперь, что судьба каждому из нас приготовила испытаний ровно столько, сколько мы способны вынести, и как не поверить, что она есть, и все в этом мире уже предопределено. Если все так, то ничто уже не помешает мне увидеть мой дом. Настолько была велика моя вера в это, что сама смерть отступала под ее натиском. Я верю – это предназначено мне судьбой.

Какие метаморфозы происходили со мной, как мне осмыслить все те события, что уже случились и еще произойдут со мной, какой вывод сделать из всего этого. К тому же, единственно верный. Иначе все пойдет прахом, все уроки судьбы.

Как мудра судьба и как она прозорлива. Она дает мне повод проанализировать прошедшее событие и предупредить надвигающиеся беды. И если я правильно ее понимаю, то беды обходят меня стороной, значит, урок пошел на пользу! Нет – значит, она исправит меня путем испытания.

Но главный ее урок – всегда оставаться духовным, одухотворенным, что бы ни случилось, всегда проси судьбу, чтобы дух твой не покидал тебя.

Как часто мне приходилось получать тому подтверждение, и всегда после этого я мысленно благодарил Его за присутствие, так как будто это был живой человек, мой самый близкий друг, мой отец, мой учитель. Он многое знает наперед, всегда предупредит и поможет в трудную минуту, укажет путь и подаст знак. Нужно только всегда помнить о Нем и с благодарностью и любовью относиться к Нему. Настолько искренне мое чувство к Нему.

Здесь в России узнал я безбожие, узнал и о вере Христовой. Так порой жестоко учила меня лагерная жизнь, что мысли о Боге посещали меня все чаще и чаще. Все они перемешались в моей голове с атеизмом и синтоизмом, что скоро я уже не понимал ни одного из учений, но понял одно – Бог един, и Он есть. Мое стремление к Нему становилось столь сильным, что порой я сам искал повода проверить свое стремление к Нему через смерть.

Так было в 1949 г. Меня перевели в барак к уголовникам, и я попал в общество «урок».

Что позволило мне выжить тогда? Только сейчас я понимаю – моя вера в то, что смерть – это дар. И как всякий дар, ее должно принимать с благодарностью к дарящему. К Богу. Потому что ничего в этом подлунном мире не делается без воли Господа, и ты будь всегда готов принять ее.

Я поймал за руку молодого «гопника», решившего вытащить из кармана моего ватника хлеб. Пайка на зоне – понятие святое, даже для воров.

Молодого воришку долго били, и он едва выжил.

С тех пор он при всяком возможном случае пытался отомстить мне.

Однажды под моим матрасом нашли чужой кисет с табаком. Мне его подложил тот самый молодой уголовник. И не сносить бы мне головы, если бы не свидетельство одного из лагерников в том, что мне его подбросили.

Если после этого скажут мне, что благородство бессильно, я не поверю.

В дальнейшем судьба нас связала на долгие годы в лагере, а потом и в жизни на воле. Как порой бывает непредсказуема судьба! Я встретил близкого человека по духу там, где дух, кажется, должен лишь покидать нас. Николай – бывалый зек, прошедший весь свой путь по тюрьмам и пересылкам, воевавший с Германией и, вернувшись в зону, повторно ставший «врагом народа» за плен. Борясь за свою жизнь в лагере, он сохранил все же свое благородство.

Не испугавшись блатных разборов и угроз, он говорил простым языком русских людей, языком логики, и это возымело действие. Ножи убрали, и моя шея осталась цела.

С тех пор и до самой его смерти мы уже никогда не расставались надолго, и не было в нашей жизни ничего, что мы не могли бы понять и сделать друг для друга.

Откуда человек, никогда не знавший, что такое воспитание, родившийся в нищей крестьянской семье и с малолетства испытывавший лишь боль и страх, проявил такое высокое благородство, которое считается присущим лишь избранным классам, особенно классу самураев.

Такое качество может быть присуще любому человеку независимо от места и слоя общества, от страны и времени. Его нельзя купить или заработать, его нельзя заслужить как чин. Это дар Божий, данный с рождения. И кем бы ни пришлось человеку пройти этот земной путь, он будет его проявлять, если только это настоящий дар.

Человек может стать умнее и даже мудрее, может научиться понимать людей и даже владеть их сознанием, манипулировать их поступками, но никогда не сможет стать благородным, если ему не дано этого свыше, потому что благородство подразумевает жертвенность ради тех самых людей, которых он возможно и мудрее, и сильнее.

Как мне теперь кажется, благородство – качество, присущее лишь той части человечества, что ведет свою родословную непосредственно от «Искры Божьей». Потомки же человекообразной обезьяны (по Дарвину) и результат их смешения эволюционировали в плачевный результат, однако, тоже существуют среди нас и в немалом количестве.

Для Бога нет границ и званий. Он не делит своих детей на крестьян и вельмож. Он лишь дает право каждому на своем месте оставаться человеком – «сутью и подобием Божьего», нести свой дар по жизни с трудом, потом и кровью, порой через унижения и боль. И не дай Бог сынам его свернуть с того пути и забыть о своем Божественном происхождении, тогда-то и происходит непоправимое. На земле появляется кровосмесительный гибрид, названный *Homo Sapiens*, человек мыслящий, но и только. И идут люди по чужому пути, постоянно натываясь на боль и страх, ненависть, зависть, обиду и разочарования. Эти чувства способны лишь разрушать, сеять смерть и порок, разжигать войны и способствовать возникновению болезней, природных катаклизмов.

Пока человечество не поймет первопричину своих бед, оно будет обречено искать выход из лабиринта вечно, всякий раз натываясь на стену.

Благородство одно из тех качеств, которое своим примером способно лечить людей от всех пороков, нужно лишь не стесняться его проявлять.

«Синдзи – слишком сложно, для меня ты будешь Саней», – сказал как-то Николай. Так, спустя три года в России у меня появилось русское имя. Гораздо позже и только когда мы были с Николаем одни и в хорошем настроении, он называл меня уменьшительным Синдиком.

Мне это нравилось, в такие моменты мы оба понимали, что между нами существует какая-то особая связь, как у родных братьев или однокашников, с детства знавших друг друга. Но ведь мы встретились лишь через 27 лет после рождения, и такое взаимопонимание между нами могло быть только от Бога.

Так я, Тойода Синдзи, потомственный морской офицер, самурай, со временем стал Александром – японским шпионом и диверсантом в прошлом и инженером в будущем.

Глава 3 Раздумья сына

*Огонь, ты слышишь, начал угасать.
А тени по углам – зашевелились.
Уже нельзя в них пальцем указать,
прикрикнуть, чтоб они остановились.*

*Да, воинство сие не слышит слов.
Построилось в каре, сомкнулось в цепи.
Бесшумно наступает из углов,
и я внезапно оказался в центре.*

И. Бродский

Мама, я совсем не знаю, как проводятся такие церемонии, что нужно делать и говорить на поминках? Давай, подсказывай.

Мать озабоченно смотрит на меня. «Да я и сама-то второй раз на похоронах или третий, не помню ничего. Мы ведь все испорчены атеизмом, все православные ритуалы забыли, а отец твой в юности был по вере синтоистом, а потом и вообще отошел от религии. Как его поминать теперь, никто не разберет. Давайте садиться за стол, будем вспоминать нашего Сашеньку. По мне, это и есть поминки.» Наверняка мы знали одно – поднимая рюмки за упокой души, нельзя чокаться.

Почти всех сидящих за столом я знал, подруги моей матери пришли поддержать ее, бывшие коллеги с работы отца, еще несколько человек из тех, с кем отец играл на бильярде, моя сестра Марина с мужем Алексеем, мои товарищи по школе и институту. Нескольких человек я не знал или не узнавал за давностью лет. В этом возрасте старики меняются очень сильно, стоит их не видеть год – другой человек.

У всех были спокойные и сосредоточенные лица, никто не рыдал и не выл, как это обычно показывают в кино. Наверно, иначе быть не могло, слишком уж спокойным и уравновешенным был покойный. Как это я сказал об отце – покойный, точно, как в кино. Настолько спокойным, что и друзья его и просто хорошие знакомые не могли быть другими. Он этого не выносил никогда. Терпеть не мог криков, бесполезной болтовни и уж тем более слез. Отец всегда был человеком прежде всего дела, сначала сделает, потом скажет, в первую очередь пример делом, во вторую – словом.

Мне, правда приходилось видеть его другим, но это случалось лишь несколько раз. В эти моменты он не был самим собой, он был жутко пьян. В такие минуты из него исходила вся его ненависть и обида за пережитое, гнев и слабость, страх и боль. В эти минуты он не выбирал выражения и выдавал все, что знал и умел на ненормативном русском. «Суки, во что они превратили мою жизнь», – кричал он. Кого отец имел в виду, этого я тогда не понимал. Может быть, всех тех, кто встречались ему в этой долгой и очень непростой жизни, чьи поступки и поведение ломали его планы на жизнь и возвращение на родину в Японию, планы на будущее.

Зная свою слабость при опьянении и не умении сдерживаться, он напивался крайне редко. Как мне казалось, поводом такому взрыву мог быть тот внутренний нарыв души, прорвавшийся внезапно. Когда боль уже невозможно было удерживать в себе, он сдавался, позволив себе эту слабость, и сумасшествие отступало. За все время в моей памяти осталось лишь несколько случаев, да еще пару раз, что произошли в течение моей трехлетней службы на флоте, о чем мне потом рассказывала мать.

Эти редкие свидетельства и давали повод для размышления о том, какое море горя терзало душу моего отца. Как жить с этим горем, откуда брать силы на то, чтобы сдерживать эту боль и оставаться еще и любящим мужем, отцом и просто работоспособным человеком, желающим хотя бы что-то в этой жизни сделать и не дающим себе повода даже думать, что от нее можно отказаться.

Как-то случайно я впервые прочел стихи Бродского. Все стало понятно, гений поэта сумел передать состояние его души, всю его боль и тоску о том, чего уже никогда не удастся вернуть, с чем придется жить до самого своего конца, будучи не в силах уже ничего изменить. Наверно, и с Магаданом отец не стал разрывать свою жизнь именно потому, что наше море его волновало и давало постоянные воспоминания о его родине, оно всегда его грело несмотря на то, что было ледяным 9 месяцев в году. И наш город стал для него роднее любого другого в этой стране. В 60-х годах они могли уехать с матерью куда-нибудь в Приморье, на родину матери или на Амур, а вот остались здесь.

Насколько гениален Бродский в своем понимании людской тоски и горя. Он и сам должно быть испытывал похожее чувство, поскольку так проникновенно сумел выразить их, оказавшись без родины и родных, без любимой и сына. Многие его стихи послужили толчком к пониманию моего отца.

Я как будто «завис» в своих раздумьях. А за столом тем временем шел неспешный разговор. Моя сестра рассказывала о том, каким был наш отец, как она его любила и как он любил ее. Мне этого слушать, очевидно, не хотелось. По большому счету мы никогда не понимали друг друга. Мариоко, как в редкие минуты нежности отец называл мою сестру, была внешне полной его копией: среднего роста, всегда слишком худа, как мне казалось, для девушки, с явными восточными чертами лица, с очень густыми черными волосами. В общем, настолько не похожи мы с ней, что, не зная нас, никто и никогда не сказал бы, что мы родные брат и

сестра. Характер же у нее был точно материнский. Мы были полной противоположностью друг другу в восприятии жизни, в учебе в школе, в своих увлечениях, даже музыка нам всегда нравилась разная.

Я был всегда очень похож на нашу мать, а она – на отца. Мы были столь разными, что больше ссорились, чем дружили. Наши родители всегда очень хорошо понимали друг друга и с годами стали даже как-то похожи. Очередное доказательство жизненной метаморфозы.

Отец когда-то объяснял, чего потребует от меня общение с малознакомыми людьми.

В общении с людьми есть одно правило: «Сначала глаза, потом слова. Сначала мотивы, потом дела». Те люди, которых ты достаточно знаешь, уже выработали у тебя необходимую степень доверия. Но вот незнакомец может говорить так, что ты и не заподозришь в его словах подвоха. Однако, смотря сначала в его глаза, ты непременно разберешься в его речах. Затем, видя его поступки, ты соотнесешь их с речами. Но и это не все. Человек – очень сложное существо. И порой его слова и дела не всегда искренни, всего лишь ширма. И понять это можно, лишь разобравшись в мотивах его поступков. Тогда я не переспросил. Говоря о глазах, отец, очевидно, имел в виду, что они отражение мыслей человеческих?

Вновь возвращаюсь в реальность. За этим столом не было еще одного человека – давнего друга моего отца, Николая Николаевича.

Я знал, что именно он сказал бы о моем отце те самые искренние и неожиданно верные слова, но его, к несчастью, не стало несколько лет назад.

Отец говорил, что они с ним дружили так давно, что это, должно быть, было еще в «прошлой жизни». Это было в конце 40-х годов, где-то в лагере, и что с тех пор они всегда были неразлучными друзьями. Николай Николаевич был преподавателем в сельскохозяйственном техникуме и большим любителем природы. С отцом они очень много времени проводили на рыбалках и охотах, когда это стало возможно.

Уезжали в тайгу на несколько отпускных месяцев.

Отец ведь всегда жил под наблюдением. До конца 70-х он вынужден был ходить отмечаться у «комитетчиков». Он ни разу не был на «материке», никогда не летал на самолете до своей поездки в Японию.

«Японский шпион – одно слово», такая у них была присказка. Когда у друзей было приподнятое настроение, они позволяли себе шутить. Между ними было особое доверие, они понимали порой друг друга без слов. Иногда я был свидетелем того, что в разговорах между собой на поставленный вопрос не звучало никакого ответа. Пауза затягивалась, но никто из них не обращал на это внимание, не нервничал, не повторялся. Я поначалу не понимал их, но со временем мне стало ясно, что ответ уже прозвучал мысленно, они, поняв друг друга, продолжали беседу дальше.

Из близких родственников больше никого не было, наша мама воспитывалась в детдоме, поэтому с ее стороны родни быть не могло.

С мужем Марины, Алексеем, у меня отношения почему-то не сложились. Хотя он был человеком, безусловно, хорошим, глубоко порядочным и воспитанным. Но уж слишком порядочным, уж слишком мягким. Таким я его воспринимал. Мне всегда казалось, что одних этих качеств мужчине недостаточно, должна быть в нем и грубая сила и напор и, может быть, немного цинизма. Сложные условия бытия в наших краях. Не в Финляндии цивилизованной живем, но на Колыме. Места уж слишком суровые.

Когда я учился в политехническом на пятом курсе, они с Маринкой стали встречаться и поженились без меня. В тот год я ходил «в моря», обо всем судил, что называется «постфактум». Какой шурин достался, такому и быть, что поделаешь.

За все время нашего знакомства мы с ним ни разу не говорили по душам, не шутили, не рассказывали анекдотов, не делились впечатлениями о жизни, не говорили о девчонках.

Только о работе и делах, семейных проблемах, если они были. Может быть, он чувствовал мое к нему снисходительное отношение.

Понимал, что я думаю о его слишком интеллигентном виде, не считал его мужиком, а вторым номером после моей сестры. В любом случае взаимоотношения между нами были весьма поверхностными, что влияло и на мои отношения с Маринкой.

Так сложились наши характеры, что уже в этом возрасте мы не понимали друг друга, казалось бы, родные брат и сестра, вместе росшие, получили одинаково тепла, воспитания и знаний, а вот на мир смотрим совершенно по-разному.

Как у одних родителей вырастают столь непохожие дети? И как после этого можно рассуждать о кровном родстве. Очевидно, что Марина сохраняет в себе материнскую линию судьбы, а я всегда чувствовал себя продолжением своего отца, и при этом природа так поменяла наши внешние данные.

Я огляделся вокруг, и меня поразила мысль, зачем люди непременно должны так много есть на поминках, разве может им лезть кусок в горло, когда они должны искренне горевать об ушедшем.

Когда возникла эта традиция приготовления такого обилия блюд, почти не употребляемых в жизни. Рисовая каша с изюмом, мне и не вспомнить когда ее в последний раз ел. Мясные блюда, птица и рыба, лепешки с сыром, тоже не помню, чтобы их готовили в нашем доме. Откуда эта дань непонятым традициям.

Уж точно это не японская кухня.

Отец мясо ел редко, предпочитая рыбу и морепродукты, благо с ними в наших краях проблем никогда не было.

К японской кухне тоже не тяготел. Очевидно, годы в лагере научили его пониманию, что любая кухня хороша, главное, чтобы она была. Готовил он замечательно, любил это делать в повседневной жизни, и порой мне казалось, что это и есть его настоящее призвание.

Хотя ел он всегда с удовольствием, но переедание ему было не свойственно. Более того, он всегда говорил, что аскетизм в еде и питии должен соблюдать всякий мужчина, причем сколько бы лет ему ни было и сколь мудрым бы он ни стал, уж коли ему довелось родиться мужчиной, он должен быть готов ко всему.

А значит, быть сильным, подтянутым, а переедание для него плохой помощник.

Мужчина должен быть готов к любым испытаниям, случись они в мирной жизни или в бою.

На городской улице ночью или на медвежьей тропе днем, даже на безобидной рыбалке можно утонуть, если только не сохранить силу, данную мужчине самой природой.

«Покидая свой дом, веди себя так, как будто встретил врага», – отец часто повторял эту старую японскую мудрость.

Мне никогда не было стыдно за него, за его внешний вид. В свои 70 лет в сравнении со своими сверстниками он выглядел подтянутым, крепким и подвижным. Легко мог пройти 20–30 км на охоте, зимой ходил на лыжах, мог спать в лесу, в палатке или зимовье, носил тяжелые рюкзаки и снасти. И это при том, что ему пришлось вынести в молодые годы.

В лагере они с Николаем Николаевичем работали на лесоповале и порой питались лишь тем, что могли собрать в лесу: ягоды, грибы, да съедобные травы, редкая удача, если наловят рыбы. Отец сам об этом никогда не рассказывал. Николай Николаевич, бывало, пару раз проговаривался.

Они с отцом были разными. Николай Николаевич часто позволял себе много говорить, шутить, острословить. Хотя, надо сказать, все это он делал с какой-то грустью в глазах.

Становилось понятно, что это он делал для окружающих, желая их позабавить, сам же в эти моменты грустил, думая: «улыбайтесь, смейтесь, радуйтесь, у меня это уже не получается».

Периодами Николай Николаевич впадал в глубокую депрессию, переходившую в тяжелый запой. Пару раз мне с отцом приходилось дежурить у постели больного, который иногда закрывался дома и выходил только за спиртным в магазин или к таксистам.

В такие моменты нам приходилось брать его квартиру штурмом, через окно. Дверей он не открывал. Однажды даже пришлось вызвать пожарников. Из окон подозрительно густо валил дым. Потом оказалось, что на кухне в кастрюле варился кусок мяса, вся вода выкипела, и блюдо настолько подгорело, что пошел дым. Мы отказались от угощения. Потом несколько дней к нему ходил доктор, делал промывание желудка, чистил кровь, делал уколы, капельницы и все такое. Мы с отцом по очереди дежурили у него, чтобы, не дай Бог, он не вышел в магазин и не началось все сначала.

При этом мы тщательно обыскивали всю квартиру в поисках «зачапки» и непременно находили ее.

Создавалось такое впечатление, что Николай Николаевич заранее планировал, что его будут «лечить» и прятал бутылки в самые непредсказуемые места.

В такие дни я видел отца совсем другим: нежным, добрым, заботливым, таким даже мы, его дети, не видели. Со своими детьми он был всегда скуп на ласку, сдержан на проявления чувств и любви.

Иногда во мне просыпалось чувство обиды на Николая Николаевича за то, что отец с ним бывал таким ласковым. Правда, эта ревность быстро улетучивалась, так как я видел, как резко менялся отец, понимая, насколько опасны такие дни для Николая Николаевича. В повседневной жизни отец был строг и не позволял себе ничего подобного. Как будто прятал от друга свои настоящие чувства.

Поняв это, мне стало вдвойне приятно. Во-первых, оттого, что отец сам не позволял себе такого поведения, и это мне очень нравилось. Во-вторых, я понял, что настоящие чувства дружбы, любви не должны быть нарочито явными, их не нужно демонстрировать напоказ, а нести в себе сквозь все сложности и проблемы этой жизни, хранить и беречь без всякой надежды, что кто-нибудь, когда-нибудь это оценит, потому что это нужно только тебе.

Моменты, когда отец поправлял подушку под головой Николая Николаевича или накрывал его одеялом, подавал чай к постели, вызывали у меня особое чувство стыда. Как будто я подглядываю за чем-то личным. Я скрывал свою прозорливость от отца, чтобы не мешать их и только их отношениям. В эти дни Николай Николаевич выглядел, каким то подавленным, тихим, смирным. Ничему не сопротивлялся, смотрел на меня с нескрываемым удивлением. Как будто не узнавал и спрашивал глазами: «Это еще кто такой, что он делает в моем доме?» Он продолжал молчать, так и не дав мне понять, узнал он меня или нет.

Я же в такие минуты позволял себе командовать и контролировать Николая Николаевича, как если бы тот был моим младшим братом или сильно больным. Потом все входило в свое русло. Николай Николаевич возвращался в свой обычный мир, принимал действительность и никогда не подавал вида, что что-то произошло.

Он не благодарил, не вспоминал, и вообще вел себя так, что у меня зарождались сомнения, помнит он хоть что-нибудь из недавнего прошлого? Наверное, нет. Для себя я сделал вывод, это состояние для Николая Николаевича – побег из реальности, в которой все настолько тяжело и нестерпимо, все уже настолько непоправимо, что мириться с этим нельзя.

Существовало два варианта: либо смерть, на которую сам он не мог пойти, либо побег, пусть хотя бы временный, но уход от своего прошлого.

Чтобы понять состояние Николая Николаевича, нужно пожить в двух эпохах: сталинского «лагеризма» и хрущевского «оттепелизма». Тогда судьба этого человека была разорвана надвое: сначала – бесправный раб, зек, затем – уважаемый педагог. Как это совместить в сознании без его потери?

Видно это у Николая Николаевича не получалось.

А как это удавалось отцу? Или его проявления были лишь иными по форме, но таковыми же по сути?

О том, что он страдает, все мы знали, но это проявлялось не периодами, как у Николая Николаевича, а повседневно. Не накапливая в себе скорбь до взрыва, он выводил ее из себя каждый день. Молчаливость, угрюмость, нежелание проявлять чувства любви и нежности были его реакцией на боль и невозможность забыть прошлое. Он каждый день делал огромные усилия, позволявшие ему находиться в какой-то, пусть только видимой, гармонии с окружающим миром.

Пришло время, когда я вспомнил и оценил все то, что всегда чувствовал, находясь рядом с ним.

Первые мои испытания, первые разочарования пришлись на время первого года моей службы на флоте.

Как ярки эти первые впечатления, эта нестерпимая боль разлуки со всем близким и родным. Это чувство, что нельзя вот сейчас развернуться и убежать в объятия матери, за спину отца. Добираясь до Владивостокского экипажа, я думал, что готов к службе. Столько лет занятий спортом, столько тренировок до изнеможения, радости побед и горечь поражений отчасти подготовили мою психику. Придя на службу мастером спорта по подводному плаванию, я оказался совершенно не готов видеть то, что меня ждало.

Первые мои впечатления и мысли вызвали шок.

Если на флоте так, то в каких же условиях люди сидят в тюрьмах. Как моему отцу удалось выжить, как удалось сохранить психику, остаться человеком за столь долгий срок.

А ведь он пробыл в той среде не три года, как придется мне, а почти 12 лет, к тому же времена были другие, к людям относились иначе.

Да мои трудности и проблемы с его даже сравнивать невозможно.

Я решил, что если моему отцу удалось пережить все то, что с ним случилось, то и для меня не должно быть проблем.

Нужно покрепче сжать зубы и потерпеть. Я убеждал себя, что скоро все пойму, мне должна открыться система существования этого организма – армии, и я проплыву по ней как рыба.

Несколько раз меня, молодого караса избивали, но всякий раз я старался дать отпор и всегда думал, как ничтожны, должно быть, эти унижения, по сравнению с теми, что пережил отец. Потом я смеялся над этими выходками старослужащих и все видели, что мне это не страшно.

Я непреклонен и буду стоять на своем до конца. Очевидно, я выбрал верную линию поведения, через полгода меня уже никто не смел ни тронуть, ни оскорбить. Я стал своим в этой среде и более того, эта среда стала мне нравиться. Еще через полтора года меня назначили на должность инструктора. Виданное ли дело, корабельный старшина на должности мичмана, инструктор в подразделении водолазов.

Мне и сейчас это кажется удивительным, наверное, все же главную роль в моем продвижении сыграло мое знание и умение вести политзанятия, а не мои достижения в спорте, хороших пловцов у нас было немало. В те годы это ценилось превыше всего, а я, к своему удовольствию, дома был большим любителем всех телевизионных политических программ и новостей.

Вот уж не знаешь, что тебе в жизни поможет, а что подведет. Все это вместе и способствовало в результате моему служебному росту...

Отец всегда говорил:

– Не бойся, в этой жизни нет ничего, с чем нельзя было бы не совладать. Потом оглянись и поймешь, все было не так уж страшно. Гораздо важнее, чтобы тебе было не стыдно оглядываться в прошлое. Не проси, ибо то, что тебе нужно, и так тебе будет дано, а все осталь-

ное лишнее, без него проживешь. И не верь, если во что без оглядки поверишь, обязательно жизнь тебя разочарует. Сомневаться стоит во всем. Сомнение – признак зрелого ума, мудрости.

Вспоминаю, как легко он провожал меня на службу. Особенно не учил, кратко наставлял, говорил о том, что не нужно бояться смерти. Мужчина должен уметь быть воином, он должен знать себя в трудностях и лишениях, уметь собраться с силами в любой ситуации. Он говорил:

– Если встретишь ту самую с косой, а такое в армии случается, не нужно от нее бежать.

Встреть ее достойно, как полагается встречать ее мужчине и воину. Думай об этом, и ты будешь готов к встрече с ней. Только в этом случае, она не станет для тебя неожиданностью. Если случится что-то непоправимое, мы с матерью будем убиты горем. Но если ты струсил или смалодушничает, ты оскорбишь этим своего отца. Я уверен в тебе и знаю, что ты никогда не захочешь славы за счет других. Запомни – искренность тоже оружие, во всяком случае она обезоруживает. Будь искренним в своих устремлениях на службе.

Впоследствии мне с этим пришлось столкнуться.

Уже после полутора лет службы, жизнь свела меня с начальником особого отдела. Несмотря на то, что наша часть относилась к разведке флота, в ней самой была разведка – особый отдел.

Да, все не просто в «нашем королевстве».

На все и на всех нужен глаз да глаз, никому – полного доверия.

Капитан третьего ранга, высокий, стройный, очень улыбчивый производил самые лучшие впечатления. Но как только он заговорил со мной, мне стало понятно, что «друзьями» нам не стать никогда.

Что-то сразу оттолкнуло меня. Его улыбка и юмор не внушили доверия, а наоборот – настораживали.

– Ну, что Алексей Александрович, как служба идет? Трудности, проблемы, пожелания есть? Как в новой должности послужится?

– Все хорошо, – отрапортовал я, – вникаю.

– Ну, молодец. Будь здоров.

Я понял, это только начало знакомства.

О том, что это наш «особист», я узнал чуть раньше. Несколько месяцев назад случилось мне быть свидетелем одной сцены на продовольственном складе.

Я нес вахту. Офицеры получали паек, выстроившись в длинную очередь. К очереди подошел капитан третьего ранга и с усмешкой спросил:

– Кто последний?

– Последний буду я, – ответил начальник инженерной службы капитан второго ранга Гулевин. – Но вот что Вам тут делать? Вы же не наш.

– Как не Ваш, стою на всех видах довольствия, – улыбки в этот момент на его лице уже не было.

Офицеры переглянулись.

– Ну раз стоите, стойте, – ответил Гулевин.

В этот момент я и почувствовал какую-то недоброжелательность всех офицеров к вновь пришедшему. Позже, когда наши отношения с Гулевиным стали очень хорошими, а он был одним из моих непосредственных начальников, мы вернулись к этому разговору.

Я спросил:

– Отчего все офицеры были так недоброжелательны?

Гулевин ответил не сразу:

– «Они» нам не доверяют, «они» нас проверяют. Так за что нам их любить или уважать?

Мне стало понятно, кто эти «они».

После нескольких коротких встреч, произошедших как будто случайно, меня вызвали в особый отдел. Все встало на свои места.

Вызывал меня все тот же «кап три».

Кабинет особого отдела находился под лестницей, ведущей на второй этаж штаба.

Здесь никогда не горела лампочка и не было окна, поэтому это место, казалось каким-то укромным, скрытным. Специально они его что ли выбрали? Ну, хороши психологи!

Стучусь. Молчание.

– Прошу добро, – как можно четче выговариваю я, чуть надавив на ручку двери.

В кабинете послышались шаги, щелкнул замок.

– Заходи Торопов, жду тебя.

– Главстаршина Торопов по Вашему приказанию прибыл, – отчеканил я.

– Вольно. Как ты уже понял, я начальник особого отдела капитан третьего ранга Морозевич, и вызвал тебя для разговора не простого. Мне тебя рекомендовали как человека весьма грамотного, как сейчас модно говорить, политически подкованного. Да и специалист ты хороший, все хвалят. Не пьешь, не куришь. Ведь не пьешь, верно?

Он едва заметно улыбается. Видно, знал, что на прошлой неделе ребята на камбузе «жареху» устроили ночью. Это в смысле картошку пожарили, ну и бутылочку раздавили. Но ведь меня-то там не было.

– Это точно, – не моргнув и глазом, очень спокойно ответил я.

– Вот и отлично. Проходи, садись.

Он указывает на большой старый кожаный диван в середине кабинета.

Подхожу и сажусь на краешек, стараясь не издавать посторонних звуков, чего мне не удается. Диван скрипит как старая телега и норовит убежать из-под меня.

– Так вот, мне нужно, чтобы ты, как инструктор, составил для меня отчет обо всех, с кем тебе приходится заниматься. В какой физической форме боец, какие перспективы у кого на будущее. Его морально-психологические данные на твой взгляд. Как кто себя в воде ведет. Ну и так далее. Ты должен понимать, мы выполняем боевые задания, поэтому и подход у тебя к делу должен быть более чем ответственный. Ты меня понял? Справишься?

– В принципе, да. Вот только на счет психологии... Я ведь все же не психолог, поймите правильно, могу и ошибиться. Опыта маловато, да и тяготею все больше к технике, чем к людям, – попытался увильнуть я.

Морозевич этот мой нырок заметил.

– Ничего, – более настойчиво повторил он, справишься. Ну а теперь ступай, еще поговорим позже.

– Так точно, – козырнул я.

Раз о таких мелочах, как ночные вылазки годков¹ на камбуз, ему известно, должно быть известно и о процедурах приема в разведчики.

Только реакции с его стороны никакой. Если так, значит, работает определенная система, система естественного отбора. И работает она с его молчаливого согласия. Узнали бы наши матери из передачи «Служу Советскому Союзу», как их сыновей проверяют на профессиональную пригодность. Подвешивая руками к трубе под потолком в гальюне и нещадно избивая всю ночь, периодически отмачивают в ванне для мытья ног. Кто на утро в строю и не жалуется, тот остается, кто пускается в бега или ищет петлю, тот «пролетает». Не быть ему разведчиком. Да уж, это все очень отлично от того, что я видел по телевизору. У нас эту телепередачу называют – «в гостях у сказки».

Выхожу из штаба и медленно плетусь, обходя плац.

А ведь это засада, думаю я про себя. Нет, не просто засада. Это беда. Я этого делать не стану, меня уже подташнивает, а дальше будет хуже.

¹ Годки – старослужащие матросы на флоте.

Теперь мне понадобится быть собранным, максимум собранности, вот мой девиз на ближайшее время. Отказаться я не могу, меня не то что с должности вышвырнут, но, скорее всего, и из части переведут, да еще куда-нибудь севернее моего родного города.

Это тебе не просто «залёт», не пьянка, не запрещенные наколки или слишком откровенное письмо любимой девушке. Это скрытое несогласие с системой. Так, ну и что там у нас есть севернее? Мыс Шмидта или Бухта Провидения. Да, перспектива интересная.

Что-то нужно решать, лишнего времени теперь у меня не будет. Оно полетит, пришла беда – открывай ворота. Чего еще мне стоит ждать?

Расслабился, брат, понравилась служба, медом показалась. Сейчас уже вечер, я напряжен и плохо соображаю. Что же, во-первых нужно расслабиться, с бедой нужно переспать ночь, так кажется, говорят, или утро вечера мудренее.

Может быть, какая-нибудь мысль придет во сне.

А решение принимать все же нужно быстро, времени у меня пара дней, не больше.

Потом отчет затребует по итогам учебы, и – привет. Пишите, мама, по новому адресу.

Поднимаюсь в казарму на второй этаж, иду по проходу. Вокруг странная тишина, годки не ржут как кони, но мирно сидят на шконках², готовятся ко сну. Что-то не так, явно в роте посторонний. Проходя мимо красного уголка, вижу нашего замполита.

– Здравия желаю, товарищ капитан второго ранга, – подхожу чуть ближе, какое-то время жду движения его руки. Наедине он всегда подавал мне руку.

– Заставляете себя ждать товарищ старшина. Где это Вы ходите во вторник вечером? Или завтра утром уже не среда? И нам не докладывать о политической обстановке в мире? – нарочито серьезно говорит замполит. В его глазах я вижу скрытую иронию. – Я тебя предупреждал, что завтра командир будет присутствовать, было дело? Ты, надеюсь, готов?

Со Станиславом Сергеевичем у нас сложились очень хорошие отношения, почти приятельские, и это несмотря на более чем внушительную разницу в возрасте. О званиях я просто молчу. Но я, наверное, его лучшая и единственная награда сейчас. Воспитанник, которого можно ставить в пример другим замполитам и выставлять на показательные политзанятия. Я его не подведу.

Тут в моей голове молнией проскакивает план. Вот уж не знаешь, где найдешь.

– Да какие уж тут политзанятия, Станислав Сергеевич. С новыми заданиями бы справиться. Дело мне поручено ответственное. Не мне Вам объяснять, какое ответственное. Вы думаете, я в клубе был, кино смотрел или в чипке³ пирожные трескал. Я в кабинете под лестницей был, – переходя на два тона ниже, сообщаю я и уже шепотом добавляю, – задание получал. Так что, на политзанятия у меня теперь и времени не останется.

Для замполита эта информация новость – это факт. Иронии в его глазах уже нет, серьезный вдумчивый взгляд. Он понял все мои интонации. Все мое нежелание расставаться с политической информацией, заменять ее написанием отчетов для «особистов».

– Ну что же, так или иначе, это занятие мы подготовим и проведем. А там дальше видно будет.

В тот день я поставил на кон свой единственный шанс. Сыграть на противоречиях двух своих начальников и, встав на сторону того, кто мне ближе, победить.

Политинформацию мы подготовили и провели на отлично. Командир, видно, остался весьма доволен. Уходя вместе с ним, замполит поднял вверх большой палец и подмигнул мне.

Так или иначе, это должно быть сыграло свою роль. Поскольку в особый отдел меня больше не приглашали. Встречаясь с особистом, я всегда нарочито громко его приветствовал. Реакции – ноль, как будто и не было нашего разговора.

² Шконка – кровать.

³ Чипок – солдатское кафе.

Позже я много раз себя спрашивал, была ли это военная хитрость или малодушие, когда мне удалось избежать прямого ответа. Должен ли я был просто послать его к чертям и, оказавшись где-нибудь на Чукотке, дослуживать свой срок.

Не знаю почему, но тогда и, пожалуй, сейчас я находил себе оправдание. Надеюсь это чувство меня не покинет и в будущем.

После тех событий этот тип людей-провокаторов, стал мне знаком и даже понятен. Их задачи и поступки, необходимость среды, в которой мы жили, и, наверное, еще долго жить будем. Но и для нас самих это важно.

Всякий раз, оказываясь перед выбором, важно сделать правильный шаг. В какую сторону идти? Остаться ли человеком и переживать невзгоды или изменить себе и радоваться жизни, зная при этом, что делаешь это за чей-то счет. Это, очевидно, одно из правил бытия – никогда не чувствовать себя в этом мире легко. Трудности делают нас такими, какие мы есть. Именно трудности. В радостях нам некогда задумываться о себе.

И очень хорошо, что это было в моей жизни и именно тогда. Потом я часто благодарил судьбу за этот урок. Впредь я стану разбираться в людях лучше и постараюсь делать так, чтобы у них не возникало желание предлагать мне того, чего я не приемлю.

Хотел бы я знать, как в этой ситуации поступил бы мой отец, стал бы он искать из нее выход?

Возможно и даже скорее всего – нет. По его характеру было бы типичнее ответить отказом. Он прямее меня, честнее, определеннее. Мы, наше поколение, уже слишком избалованы компромиссом, знаем, что можно жить и так, и эдак, что называется «и нашим, и вашим».

Отец и Николай Николаевич – другие. Возможно, то, что они видели в своей не простой жизни, и сделало их такими некомпромиссными людьми.

Я считаю, что люди мельчают, они уже не готовы теперь жертвовать собой, как это делали наши отцы и деды.

Слишком много разговоров о ценности жизни и радости бытия. Хотя все эти разговоры остаются только словами. В армии и на флоте ребята гибнут даже в мирное время. Иногда – просто по глупости, недосмотру и разгильдяйству. Я уже не говорю о неуставных отношениях, тут вообще ничего не исправить, хоть половину армии пересажай.

Система не даст, пока ее не сломаешь. Сейчас работает только один закон – прав тот, кто сильнее или хитрее. Порядочному и слабому вообще не выжить. Он будет все три года в галюне сидеть и чистить его зубной щеткой. Никакому начальству до него дела не будет, а если еще и галюнь чистый, то и подавно.

И все же, что бы я выбрал, окажись в безвыходном положении. Мне хочется верить, что не испугался бы поехать и на Чукотку и на Камчатку. А вот если бы в дисбат? Они могут подвести дело так «красиво», что и не поймешь, как там оказался. Тут уже другой расклад. Здесь, как говорил отец, «или-или». Хорошо, конечно, что так не случилось, но могло же, и я должен об этом помнить, должен думать. Чтобы в жизни не смалодушничать, нужно себя готовить к этому. Если ты готов к неприятностям, они, скорее всего, не случатся. Чуть расслабился, и тут уже, как говорится, «пришла беда – открывай ворота».

Таких, как мой отец, этими вещами никто бы и пугать не стал, они не такое видели. Но вот меня – можно. Неизвестно, на что человек способен, глядишь, и даст слабину.

Наверняка этот Морозевич все обо мне знал, кто я, откуда, кто родители. Работа у него такая.

И вообще, почему с такими родителями, то есть с таким отцом, меня на флот взяли, почему не в стройбат или желдорбат. Какие там, к черту, тайны, греби себе лопатой да траву кури.

Может, действительно в армии серьезно встал вопрос с некомплектom личного состава? Берут даже детей «врагов народа». А может, я все преувеличиваю, и за давностью лет об этом и

думать забыли. Может то, что я два языка знаю, какую-то роль сыграло. Ну то, что я свободно английским владею – понятно. Они это знали, и это плюс. Мать преподаватель английского в школе. Да и в институте об этом на военной кафедре знали. Ну а то, что я по-японски бегло говорю, в институте не знали. Хотя, как знать, может, и знали, кому положено. И потом, сколько лет как отец с матерью женаты, сколько лету него русская фамилия. Сколько лет, как он на свободе. И нигде и никогда о нем плохого слова никто не скажет. Инженер он отличный. Его фото не раз видел на доске почета.

Может, и в органах появились умные люди. Поняли, что если человек тех, своих не предал, то и этим его бояться нечего. Погляди на него сейчас, никогда не скажешь, что он по рождению японец. Говорит так, что хоть русскому языку у него учись. Мыслит, как русский, японский язык употребляет не часто, сколько лет его помню, а ни разу не слышал, чтобы он говорил на нем сколь-нибудь долго. Внешностью такой у нас на Дальнем Востоке никого не удивишь, своих корейцев полно, да и за чукчу легко принять можно.

Да, компромисс дело хорошее на гражданке, а вот на службе, пожалуй, нет.

Если им часто пользоваться, не заметишь, как себя потеряешь. Сначала в одном уступил, потом в другом, затем в третьем и – сражение проиграно. На войне нужно идти до конца.

Удивительное дело, но многие мысли у разных народов очень схожи по своей сути.

Я обратил на это внимание, когда Гулевин как-то мне сказал:

– Алексей, ты должен понять главное правило разведчика. Он не может себе позволить плена, если ситуация складывается так, что выбора нет. Ты должен поступать по правилу: в безвыходной ситуации двигайся в направлении смерти. Если перевести это правило на понятный язык, это означает, что двигаясь только по самому опасному и, казалось бы, смертельному пути, у тебя есть шанс выиграть. Плен и поражение это одно и то же, а разведка не может проигрывать. Она может только побеждать или погибать. Ты и сам видел, как и кого отбирают сюда служить. На первый взгляд, самых разгильдяев, «оторву по жизни», но только такие и могут идти до конца, у них чувство самосохранения на последнем месте. А физическая и психологическая выносливость на первом. Всему остальному – мы их научим. Не все, конечно, приходят такими подготовленными, как ты. И мастер спорта и водолазную подготовку в ДОССАФ прошел и прыжков у тебя с десятков – так? – Он хлопает меня по плечу и улыбается. – Так вот, разведчик не должен думать, как он будет жить завтра. Он должен думать, как ему придется умереть сегодня или, точнее, не умереть. Разведка – особый вид войск, если так можно сказать. Негласное правило требует – раненых на заданиях нет, точнее сказать, их не должно быть. Есть только убитые. Мы не можем себе позволить оставлять раненых на территории врага, а с группой он – обуза в выполнении задания. Вот и делай вывод.

Сразу эти слова не проникли в мое сознание, но со временем, проанализировав их, я понял. Очень похожую мысль мне внушал отец. «В ситуации „или-или“ невозможно сделать правильный выбор, в ситуации „или-или“ всегда выбирай смерть». Это лозунг самураев, и говорит он о том же. Главное – умереть достойно сегодня, без сожалений и колебаний, ибо завтра для тебя уже не будет. Струсивший воин хуже мертвого, потому что покрыт позором.

Хороший человек встретился мне на пути и за это судьбе спасибо. Ничто не происходит случайно в нашей жизни, встретил на своем пути врага, что же – плохо. Но знай, что в любой ситуации тебе поможет друг. И если его нет сегодня, это означает, что ты его найдешь завтра. И он непременно поможет. Судьба посылает испытания, но она же дает возможность преодолеть их.

Появился Морозевич – проблема. Но в моей жизни были Гулевин и Станислав Сергеевич. И они помогли мне.

Как часто, уже на гражданке, я вспоминал Гулевина. Мне было приятно думать об этом человеке, знать, что он есть и во многом брать с него пример. Вспоминать добрым словом.

Мне раньше говорили, что военные непременно солдафоны, среда, мол, любого переમે-лет.

Но вот пример, подтверждающий обратное. Для меня Гулевин был образцом военного интеллигента. Очень образован, начитан, но не это главное. Он отличался особым качеством – быть честным и порядочным со всеми: и старшими по званию, и с матросами и курсантами. Бывало, он даже матерился, но нечасто. И это его не портило. Не было при этом в его словах злобы и жестокости. Он применял это, как лекарство для дураков. Если человек туп и ленив, не хочет соображать и работать над собой, его можно и нужно взбодрить. В военной среде это помогает, ускоряет процесс. Но если он видел и понимал, что перед ним люди достойные его внимания и знаний, он отдавал им все: знания, опыт, мудрость.

Несколько раз мне приходилось видеть его, что называется, выпившим, но всегда только после службы, уже вечером. Правила требовали, что офицер в форме не может быть пьян, но в военной среде это не выполнимо. Все понимают и все мирятся с этим. В войну армия потребляла спирт эшелонами. Что, теперь отрицать правильность победы? Все было и все будет. Таков закон жизни. И на флоте тоже. Просто всегда нужно находиться в рамках приличия.

Однажды у Гулевина был конфликт с офицерским патрулем в городе. И случилось это, конечно, после изрядного подпития. На офицерском собрании все осудили его поведение, напомнили об офицерской чести и как-то еще наказали по службе. Напоминать об офицерской чести Гулевина было нелепо, он обладал ею сполна. На следующий день после собрания офицеров мы виделись, и я заметил, что он подавлен. Мне хотелось выразить ему свое понимание и поддержку, но, к сожалению, я не смог этого сделать. Любые мои слова могли показаться фамильярностью. Поэтому я просто вел себя так, как будто ничего не случилось, и только чаще обращался с просьбами и вопросами. Подчеркивая, как именно сегодня мне нужна его помощь. Наверное, именно после этого случая наши отношения и перешли в особо доверительные. Я думаю, что Гулевин оценил мое понимание и отношение к себе так, как я того хотел. Оценил и принял. Оценка эта была немой, но чем верней мы понимаем друг друга, тем меньше говорим об этом. Все последующее время службы я чувствовал его отеческую заботу. Довольно скоро я дослужился до звания главного корабельного старшины, и это случилось с подачи Гулевина, получил отпуск, слетал домой, и это – его заслуга.

Само собой разумеется, что я по службе изо всех сил старался оправдать его доверие. Учебный процесс старался вести только на отлично, всем своим поведением показывал пример образцового матроса.

Уже перед самой демобилизацией Гулевин предлагал мне подумать о том, чтобы остаться на этой должности и стать мичманом. Потом мол посодействую с учебой в ТОВВМУ. Но, узнав о моем решении вернуться в институт, уже не возвращался к этой теме.

Он постарался, чтобы меня уволили одного из первых. Помню его слова тогда: «Жаль, что пришло время расставаться. Хороший ты парень. Держать тебя здесь из-за пары месяцев не стоит, раз уж ты решил не оставаться на сверхсрочную».

А у меня сомнения тогда все же были. К тому времени я уже настолько привык к службе, что начал задумываться над тем, как мне нужно будет привыкать к гражданской жизни. Наверное, к тому времени я уже полюбил флотскую жизнь. Все в ней стало понятно. Мои обязанности и мои права. Я хорошо узнал своих сослуживцев и некоторые из них стали моими друзьями. Некоторых из них я очень уважал и, пожалуй, могу сказать, что даже любил как родных братьев. Настолько приятно мне было проводить время в их кругу. Нет, эти отношения не были беспечными, веселыми или «кайфовыми», как тогда говорили. Наоборот, они были сложными, порой тяжелыми, но в то же время очень честными и понятными. Да, именно понятными. Я знал, от кого и чего ждать, с кем мне в разведку идти хочется, а с кем нет.

То, что в первые дни службы мне казалось невыносимым, глупым и абсурдным, теперь воспринималось как должное и, более того, нужным, необходимым и даже любимым.

Вот она – метаморфоза понимания скрытой сути вещей.

Теперь, когда я так говорю о той моей военной жизни и о тех моих отношениях с людьми, я вспоминаю своего ближайшего товарища Сашу Задунайского – тот день, когда он погиб, а мне посчастливилось остаться в живых. Он был как раз из тех, с кем мне хотелось служить, с кем хотелось проводить время на службе и вне ее.

Увольняясь на гражданку, я как будто предавал память о нем, так мне казалось тогда.

Он был на год старше меня и к тому времени служил уже мичманом. Женат. У них родилась дочь и, как мне показалось, сложилась очень крепкая семья. Вел он себя со мной на равных. Всегда шел навстречу, если я нуждался в его помощи. Не пытался показать мне, что он умнее или старше по званию. Человеком он был серьезным, мало улыбался, редко шутил, почти не ругался. Из-за его фамилии его за глаза называли Бендером, хотя это прозвище ему совсем не подходило.

Дважды нам с ним довелось ходить в поход на Красное море, на нашу военно-морскую базу Нокра на архипелаге Дахлак.

В те годы наша 8-я оперативная эскадра Тихоокеанского флота вела боевое патрулирование в Индийском океане. Ее пункты материально-технического обеспечения находились в порту Аден, на островах Сокотра (НДР Йемен) и Дахлак (Эфиопия). И походы на боевых кораблях с заходом в Камрань, Бомбей, Аден были повседневным делом. Ходили на учебном корабле «Бородино».

В таких походах мы занимались боевой подготовкой. Проведением учебно-боевых занятий совместно с личным составом противодиверсионных групп и инженерной службой флота. Задача состояла в обнаружении и уничтожении любых видов мин и диверсионных групп потенциального противника.

Работа и физически, и морально очень тяжелая.

Температура воздуха доходила до 50°, в воде не очень-то остынешь, там – 30°. Акул повсюду полно, только успевай отбиваться. Одним словом, все время в ожидании неприятностей. Да еще при не работающем кондиционере очень быстро тупеешь. А задачу надо выполнять.

При отработке одной из таких задач Саша погиб. Мы с ним в составе группы боевых пловцов проводили обследование ближних вод вокруг стоящих в дрейфе кораблей эскадры. Саша, старший инструктор по минно-взрывному делу, производил установку изделий на глубине. Изделиями, на нашем жаргоне, назывались магнитные мины и специальные взрывчатые вещества, типа пластит. Находили, бывало, старые донные мины и торпеды. Их во время войны между Израилем и Египтом в Суэцком заливе набросали столько, что до сих пор по всему Красному морю находят. Вот эту задачу мы с Сашей в тот день и отработывали. Он внизу, я его страховал у поверхности воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.